

Джонатан Андерсон в Dior и Матье Блази в Chanel. Ольга Шевченко — о дебютах сезона весна-лето 2026

В понедельник вечером отгремел (не иначе) финальный показ сезона. Следившая особо пристально за дебютантами весна-лето 2026 шеф-редактор BURO. Ольга Шевченко перевела дух, открыла классный журнал — и готова методично расставить оценки. Спойлер: уверенных хорошистов в этом списке в разы больше, чем отвязных троечников и безапелляционных отличников, но верим мы в каждого.

Знаете, как это бывает? Когда к чему-то очень долго готовишься и/или возлагаешь на кого-то большие надежды, результатом бываешь не слишком доволен. Примерно такое чувство я испытала после возвращения Фиби Файло в индустрию в 2024 году. И череды дебютных показов весна-лето 2026. Их в этом сезоне было сразу тринадцать: в Нью-Йорке Рэйчел Скотт (внезапно для всех) продемонстрировала «нулевую» коллекцию Proenza Schouler; в Милане на новых позициях выступили Демна Гвасалия, Симоне Беллотти, Дарио Витале и Луиз Троттер, а в Париже — Джонатан Андерсон, Пьерпаоло Пиччоли, Дюран Лантинк, Матье Блази, Лазаро Эрнандес и Джек Маккалоу, Марк Томас, Мигель Кастро Фрейтас и Гленн Мартенс. Фух, кажется никого не забыла. Что интересно, в теории большая часть всех назначений звучала куда убедительнее, чем оказалось на практике. Но обо всём и всех по порядку.

Тройки (пока только карандашом и в мою тетрадь) за весенне-летний сезон отправляются сразу двум дизайнерам — Дюрану Лантинку и Мигелю Кастро Фрейтасу. Первого позвал в JPC сам Готье, второго пригласили реанимировать, по сути, оставшийся не у дел Mugler. От Лантинка, который

успел стать лауреатом ANDAM Special Prize, отметиться премией имени Карла Лагерфельда в рамках LVMH Prize, победить в Woolmark Prize 2025 и влюбить аудиторию в провокационный бренд имени себя, ожидали дерзкого, смелого, толкового и, что главное, ироничного переосмысления архивов. На выходе же получилась коллекция, при первом знакомстве с которой аудитория не испытала ничего, кроме недоумения. Когда я рассмотрела образы более детально, у меня возникла мысль, что Лантинк попытался создать нечто вроде нового гардероба для «Пятого элемента», но, видимо, без участия Люка Бессона. Хотя предполагаемым версиям синего платья Плавалагуны и психоделического топа Руби Рода я скажу «да».

При этом сам Лантинк в [интервью](#) Николь Фелпс заявил, что до архивов руки у него еще не дошли.

С другой стороны, наследие Жан-Поля в особом представлении (и поиске) не нуждается. После шоу из аккаунта @stylenotcom мы узнали, что в финале Готье плакал в обнимку с Лантинком. Добрая часть смотревших показ, к слову, тоже, но нет от радости.

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/jean-paul-gaultier/slideshow/beauty#1>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/jean-paul-gaultier/slideshow/beauty#7>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/jean-paul-gaultier/slideshow/beauty#11>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/jean-paul-gaultier/slideshow/beauty#15>

Мигель Кастро Фрейтас пошел по пути наименьшего сопротивления и эпатировать никого не стал (а так хотелось). В коллекции 45-летнего португальца (он же выпускник Central Saint Martins, сотрудничал с Гальяно и Симонсом в Dior, Дрисом Ван Нотеном, Эльбазом в Lanvin и руководил командой дизайнеров в Sportmax) было все, что можно найти в любом другом бренде — и даже у Zara. Например, много бежевого, юбки-карандаши в паре с жакетами, сатиновые комплекты чуть гипертрофированных форм, объемные шубы и далее по списку. В общем, то, что взгляд Тьерри Мюглера вряд ли бы зацепило, несмотря на прямые цитаты вроде женщин-птиц, космических женщин (на его мудборде был снимок Евы Герциговой в звездном боди авторства Хельмута Ньютона) и тех, что носят перья на голове, как Линда Евангелиста в клипе Джорджа Майкла «Too Funky» (1992), снятом, кстати, Мюглером. В программной беседе с Vogue дизайнер [заявил](#), что его Mugler будет «понятным для большего числа людей», «привязанным к реальности, а не к чему-то грандиозному». Что ж, кажется, он не соврал.

[Beauty Look 47](#)

[Beauty Look 1](#)

[Beauty Look 48](#)

[Beauty Look 2](#)

[Beauty Look 43](#)

Золотая середина нашего списка — и хорошисты. Среди них нашлось место Рэйчел Скотт, чей дебют все ждали в следующем сезоне: в официальном расписании Нью-Йоркской недели он не значился. Более того, новость, что Рэйчел заступает на должность, Proenza Schouler

анонсировал ровно за неделю до. И это, разумеется, подтверждает мысль, что с кандидатурой в ее лице определились давно. Скотт (училась в Istituto Marangoni, последние четыре года успешно развивает свой Diotima) призналась, что это не дебют в чистом виде, а скорее знакомство с архивами и командой. Оно, к слову, получилось весьма вразумительным — со знаковыми для марки приемами типа вывернутых наизнанку и перекрученных вещей. Как говорится, пока ничего непонятно, но жутко интересно.

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/proenza-schouler/slideshow/details#1>

[details](#)

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/proenza-schouler/slideshow/details#17>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/proenza-schouler/slideshow/details#25>

Коллекцию Дарио Витале, хоть она и вызвала массу недовольства, назвать плохой язык не поворачивается. Напротив, хочется сказать большое сердечное спасибо экс-дизайн-директору Miu Miu — в первую очередь за те архивы Джанни, о которых в эпоху Донателлы специально или осознанно не вспоминали. Например, за замиксованный с вышивкой золотом поп-арт, колорблокинг и стайлинг в лучших традициях 1980-х, а еще за оптические принты и, разумеется, за секс. Но не тот, что мы привыкли видеть последние двадцать лет, а, скорее, намек на него, побуждающий к еще большему желанию им заняться. В одежде Versace или без нее.

[Look 2](#)

[Look 10](#)

[Look 59](#)

[Look 73](#)

Прилежный ученик Пьерпаоло Пиччоли, отдохнув после 25 лет в Valentino, теперь отвечает за Balenciaga. Аккурат перед дебютом дизайнер, как и его коллеги, обстоятельно [поговорил](#) с Сарой Мауэр из Vogue. Он признался, что в подходе к работе отождествляет себя с Кристобалем Баленсиагой, что с уважением относится к вкладу коллег-предшественников и «обнулять» бренд не намерен. Пиччоли, как это было понятно с самого начала, в Balenciaga позвали из-за его любви к объему, цвету и чрезмерному декорированию, а еще — потому что он умеет делать кутюр, а значит, нанимать еще одну единицу не придется (оптимизация в нынешних реалиях никому не помешает, тем более Kering).

Во всем этом есть стопроцентный резон, кроме того что Пиччоли не будет писать историю с чистого листа. Он совсем не революционер по натуре, и оттого его коллекция получилась, что называется, всем и каждому (хотя, может, этого руководство и добивалось?). Она посвящена и тем, кто тосковал по архивным снимкам Баленсиаги, кто вспоминал Жескьера, и тем, что не знал ничего другого, кроме гвасалиевской эпохи. И, конечно, тем, кто скучал по самому Пиччоли, которого, как оказалось, можно вывести (и вывезти) из Valentino, но Valentino из него — пока, к сожалению, никак.

[Detail Look 1](#)

[Detail Look 13](#)

[Detail Look 120](#)

[Detail Look 129](#)

[Detail Look 134](#)

К слову, о Гвасалии. Его «нулевая» коллекция (с полноценным высказыванием он выйдет в марте будущего года), хоть и получила название La Familia, оперативно вычеркнула из этой самой семьи Гуччи труды и старания (а они все же были) Сабато де Сарно. Увидели уверенный кивок в сторону Тома Форда и еще более очевидный — в сторону Алессандро Микеле. Дебют Демна презентовал в формате лукбука, точнее картинной галереи, а еще мини-фильма The Tiger, где нашлось место и графине с принцессой, и drama queen, и разбивателю сердец, и нарциссу. Останутся ли они на своих местах в следующем сезоне — покажет время.

[Look 6](#)

[Look 17](#)

[Look 35](#)

[Look 20](#)

Та же хорошистская работа с наследием (причем со знаком плюс) обнаружена у Марка Томаса, который почему-то все еще пребывает в статусе дизайн-, а не креативного директора. Встряхнувшая три сезона назад Carven начальница Томаса Луиз Троттер ушла пробовать силы в Bottega Veneta, оставив Марку, судя по коллекции,

приличное количество наработок. Что, в принципе, не помешало ему провести дополнительный ресерч и к уже полюбившейся небрежности, аккуратной работе с цветом и еще более изящной с фактурами, наслоениями, торчащими нитками и оголенными спинами добавить... цветы. Едва уловимый принт в виде орхидей фигурирует в коллекции не просто так: Томас нашел его на страницах книги Carven (1995). Дело в том, что мадам Карвен — главная муза Марка — вместе с ботаником Марселем Лекуфлем вывела вид белой орхидеи с зеленой серединкой, который и получил имя Madame Carven. Вышло символично, чувственно и легко. Хочется, чтобы так и было дальше.

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/carven/slideshow/details#3>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/carven/slideshow/details#18>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/carven/slideshow/details#23>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/carven/slideshow/collection#19>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/carven/slideshow/collection#26>

Показ идеальной кутюрной коллекции Гленна Мартенса для Maison Margiela (она была навеяна атмосферой родного для дизайнера Брюгге) состоялся летом 2025 года. Все следующие месяцы индустрия пребывала в предвкушении и гадала, что Гленн приготовит в первой ready-to-wear. От нее ждали если не такого же вау-эффекта, то хотя бы приблизительного. Но не срослось. Почему? Вроде все

составляющие на нужных местах: и хор детей с отсылкой к шоу весна-лето 1990; и расширители во рту у моделей как оммаж четырем фирменным стежкам на внешнем крае бирки; и неконвенциональные материалы, которые в свое время сделали имя Маржеле; и корсеты как напоминание об эре Гальяно; и использование материала-фаворита (денима) самого Гленна. Но не было главного — легкости, расслабленности и эмоций. Того симбиоза чувств, который сложно объяснить словами, но который можешь испытать при просмотре шоу Maison Margiela. Таких эмоций, которые заставляют ощущать себя неудобно, но при этом восхищаться каждым новым образом. Возможно, для желаемого результата Гленну не хватает совсем чуть-чуть волшебства.

[Detail Look 4](#)

[Look 13](#)

[Look 59](#)

[Look 61](#)

С приходом Симоне Беллотти (это было очевидно) от моей большой любви к Jil Sander времен Люси и Люка Мейер не осталось и следа — понравилась лишь пара топов в пайетках. Вместе с тем перед нами совершенно крепкая работа. Скажем, без черновика. Взяв за основу вживленный в ДНК марки минимализм, Беллотти вернул бренд к заводским настройкам. В его дебюте было много чистого цвета и лаконичных силуэтов, много Джиль Сандер и Рафа Симонса. Он аккуратно, со всей любовью к вверенному ему дому разбавил кипенно-белый, синий Ива Кляйна, революционный красный и черный любимым оливковым, который ему так нравилось внедрять в коллекции Bally, и драгметаллами. Он фигурально и буквально создал чистое

полотно, на которое намерен (во всяком случае, нам такая идея нравится) понемногу наносить свежие мазки и формировать собственный почерк.

[Look 1](#)

[Look 42](#)

[Detail Look 17](#)

[Detail Look 98](#)

Плеяду отличников открывает Луиз Троттер, которую инсайдеры хорошо знали по креативному директорству в Joseph и которая всего за три сезона пересобрала Carven, а сегодня стала первой женщиной в Bottega Veneta на посту креативного директора после Лауры Молтедо, жены одного из основателей, руководившей маркой в 1970-х. Всего за девять месяцев она (экс-коллекционер винтажного BV) усложнила и при этом сделала изящнее доставшиеся ей от Ли и Блази в наследство текстуры, фактуры и цвет. Ее назначение совпало и с важной вехой — культовое Intrecciato в этом году отмечает полвека. Троттер воспользовалась моментом — выпустила новую сумку Campana и сняла виральный кампейн со звездным кастом по случаю. Это движение Троттер стало определяющим для дебюта. Вокруг него она построила коллекцию и диалог с гостями. Тон ему задавали свободные края юбки, сшитой из кожаных лент; блестящая (и не только) бахрома, подчеркивающая боковой шов платья с микроплиссировкой; свитера ядерного оранжевого, красного и серебристо-голубого (издалека могло показаться, что это очередная версия бахромы, но нет — переработанное стекловолокно). Если говорить о крае, то это задание (по сложности — из части C) выполнено на

твердую пятерку с плюсом. Даже с двумя. Если плечи, то размашистые (как у современной героини Лорен Хаттон из «Американского жиголо»). Если платья из парашютного шелка с бретельками, то спускающиеся с плеч. Ну и из фирменного плетения — то самое задание со звездочкой: она смастерила затянутые на талии юбки, шейные платки, джемперы и плащи.

Резюмируем: это было по-настоящему красиво, благородно, грациозно и очень в духе Bottega Veneta.

[Look 6](#)

[Detail Look 27](#)

[Detail Look 45](#)

[Detail Look 47](#)

[Detail Look 80](#)

[Look 47](#)

Отличник по призванию, Джонатан Андерсон с момента своего назначения в Loewe ни разу не давал маху. А это, на минуточку, 12 лет. С дебютными коллекциями доставшегося ему мужского и женского Dior он справился на ура.

Опасения, возникшие у автора этого текста после нескольких платьев на ковровых дорожках, развеялись почти сразу. Андерсон открыл шоу диоровским New Look, который теперь предстает в виде кипенно-белого мини-платья без бретелей, активно задрапированного и украшенного двумя бантами — на груди и подоле. Следом шли версии культового жакета Bar: его Андерсон в одном случае лихо укоротил, а в другом — завернул полы в нечто, напоминающее бант. Он сделал прыжок к своей же мужской

коллекции (таких «повторяющихся» кульбитов было много) и вывел на подиум мини-мини-юбки, отчетливо напоминающие его же шорты, а они, в свою очередь, — многослойное платье Dior Delft. Он даже успел отдать дань Иву Сен-Лорану, перепридумав его кружевные воротники-стойки из коллекции осень-зима 1959. Кстати, их Андерсон предложил выгуливать в паре с пиратскими треуголками, которые, с одной стороны, напомнили театральную эпоху Гальяно, а с другой — снова самого Диора из 1948 года. Не нуждающиеся в представлении платья «Юнона» и «Венера» (1949) получили продолжение очень в духе Андерсона — оригинальные диоровские изделия собирали из лепестков шелкового тюля, уложенных каскадами. Джонатан, во-первых, существенно свел к минимуму количество используемого материала, а во-вторых, связал каждый из лепестков, чтобы превратить их в многоярусную мини-юбку.

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/christian-dior/slideshow/beauty#1>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/christian-dior/slideshow/beauty#4>

[beauty](#)

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/christian-dior/slideshow/beauty#24>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/christian-dior/slideshow/details#14>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/christian-dior/slideshow/details#33>

Кстати, за предыдущую строчку в резюме Андерсона можно не переживать и спать спокойно. Loewe сегодня в надежных руках дизайнерского дуэта, подарившего нам в 2002 году Proenza Schouler и оставившего его ради испанского бренда. Безусловно, планка Андерсона была высока, но по первому шоу и овациям в его финале понимаем, что Лазаро и Джек все сделали правильно. Они пригласили гостей в главный корпус парижского студгородка, а перед входом разместили работу американского художника и скульптора Эллсворта Келли. Его «Желтая панель с красной кривой» (1989) послужила вдохновением. «В ней заключены живость и тактильность, которые кажутся основополагающими для дома; цветовая интенсивность и чувственность, присущие его испанским корням; и в конечном счете оптимизм и дух, с которыми мы глубоко себя отождествляем... Она служит отправной точкой, своего рода прелюдией к тому, что ждет нас впереди», — поделились креативные директора. И все из вышеперечисленного в их дебюте действительно было. За живость отвечали многослойные рубашки и части платьев, которые специально распороли, чтобы показать все, что скрыто, и заставить вещи дышать; за тактильность (привет, Андерсон) — махровые платья-полотенца, будто колючие вельветовые пальто и «резиновая» обувь, в которой хорошо и в воде, и на суше. Любимое украшательство Эрнандеса и Маккалоу — бахрома — тоже на месте, равно как и «севший после стирки» трикотаж того же Андерсона. Цветовой интенсивности они добились с помощью бодрой палитры и колорблокинга. Чувственность читалась в кожаных платьях, которые выглядят одновременно очень секси и очень футуристично, приталенных жакетах и накинутых на голое тело свитерах. И, наконец, оптимизм физически ощущался во всей коллекции, созданной дизайнерами с большой любовью и профессионализмом. Рассаживать эту сладкую парочку никому и в голову не

придет, а вот поставить «отлично» в году напротив дисциплины «Мода как арт-объект» — сто процентов.

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/loewe/slideshow/beauty#3>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/loewe/slideshow/beauty#15>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/loewe/slideshow/beauty#20>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/loewe/slideshow/beauty#25>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/loewe/slideshow/beauty#42>

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/loewe/slideshow/beauty#47>

Под занавес Парижской недели моды и fashion month сезона 2026-го свершилось то, чего все так долго ждали, — Chanel ожил. Напомню, с 1983 года им руководил Карл Лагерфельд, а после его смерти — правая рука Кайзера Виржини Виар. Сказать, что модный дом нуждался в перезагрузке, встряске, шоковой терапии, а лучше во всем и сразу, — не сказать ничего. И у Матье (кстати, ученика Рафа Симонса), который последние три года отвечал за Bottega Veneta, получилось. Новая Chanel girl теперь носит укороченные жакеты в паре с юбкой на золотых пуговицах и трикотажные платья, расшитые символическими камелиями (в ее наушниках, судя по всему, и «Щелкунчик» Чайковского, и ремикс культовой «Rhythm is a Dancer» в исполнении

берлинского оркестра). Она вернула в гардероб идеальные белые сорочки (Блази [сказал](#), что именно они времен Коко стали отправной точкой всей коллекции) и свободного кроя брюки, причем спущенные на бедра. Твид в руках Матье превратился в очень податливый и чувственный материал. Кажется, он (твид) вообще потерял эти навыки за последние 40 лет. Из него шили юбки с запахом, плечистые бомберы и те самые жакеты — точно как у основательницы-революционерки. Еще Матье здорово приручил трикотаж и даже связал пару комплектов, имитируя все тот же твид. О себе Блази, разумеется, не забыл. Оттого здесь так много его примет из «прошлой жизни». Например, пышных перьев, бахромы, эффектных платьев в пол с волнующими подиум юбками, тупоносых моделей обуви, а еще сережек в виде остроконечных астр (больших и малых), которые очень похожи на кожаные детали из его версии Bottega Veneta. Он встряхнул Chanel и отправил его в совершенно другую стратосферу, поэтому и наблюдали мы за этими событиями среди других планет. Браво, Матье!

<https://www.vogue.com/fashion-shows/spring-2026-ready-to-wear/chanel/slideshow/details#5>

[Detail Look 35](#)

[Detail Look 65](#)

[Look 41](#)

[Look 64](#)

[Look 77](#)

VERSACE